

ISSN 2664-5157



Turkic Studies Journal

№1.
Vol.1
2019

Nur-Sultan

On the formation of the early Saka cultural complex in East Kazakhstan

Zainulla Samashev

Doctor of historical science

A.Kh.Margulan Institute of Archaeology

Nur-Sultan, Kazakhstan

E-mail: archaeology_kz@mail.ru

Abstract. The article gives a description of the design features of two funerary memorials from the necropolis of Eleké sazy in Tarbagatai and a detailed analysis of the clothing complex related to the initial stage of the formation of the Early Saka culture complex in a comparative historical, cultural and chronological context. The unique materials from the untouched burial made it possible to recreate the physical appearance of a person who lived in VIII BC. and reconstruct his funeral dress

Keywords: early Saki; culture; barrow; moat; crepe; burial chamber; arrowheads; deer; dagger; Eleke sazy; quiver; plaque; beads; gold

DOI: <https://doi.org/10.32523/tsj.01-2019/3-3>

**К вопросу о формировании раннесакского культурного комплекса
в Восточном Казахстане**

Зайнола Самашев

Доктор исторических наук

Институт археологии имени А.Маргулана

Нур-Султан, Казахстан

E-mail: archaeology_kz@mail.ru

Аннотация. В статье дается характеристика конструктивных особенностей двух погребально-поминальных памятников из некрополя Елеке сазы на Тарбагатае и детальный анализ вещевого комплекса, относящихся к начальному этапу формирования раннесакского культурного комплекса в сравнительно-историческом и культурно-хронологическом контексте. Уникальные материалы из нетронутого погребения дали возможность воссоздать физический облик человека, жившего в VIII до н.э. и реконструировать его парадно-погребальный костюм

Ключевые слова: ранние саки; культура; курган; ров; крепида; погребальная камера; наконечники стрел; олень; кинжал; Елеке сазы; колчан; бляшка; бисер; золото

Данная работа преследует цель ввода в научный оборот нового материала, полученного нами в ходе археологических исследований двух курганов на могильнике Елеке сазы в Восточном Казахстане, который может оказаться интересным и полезным для разработки проблем, связанных с формированием раннесакского культурного комплекса в Центральной Азии.

Вопрос о сложении раннесакского культурного комплекса на территории Восточного Казахстана, связан с решением кардинальных научных проблем перехода в конце II тыс. до н.э. населения степной зоны, включая ее горно-долинные ландшафты и другие периферийные участки, в новую систему хозяйственной деятельности, суть которой определяется понятием «кочевое скотоводство». Эти и другие проблемы, непосредственно связанные с изучением археологических памятников на территории Казахстана находятся в поле зрения многих ученых из России и других стран [1, с.16-18].

Материалы погребальных памятников предсакского облика из Восточного Казахстана - Зевакино, Курту, Измайловка и раннесакского времени Майемер, Шиликты, Байгетобе, а также огромное количество случайных находок бронзовых изделий (например, знаменитое Бухтарминское зеркало или «свернувшиеся в кольцо» майемерские золотые олени и др.), предметы конского снаряжения и вооружения, содержащие элементы украшений, выполненные в зверином стиле, пласт наскального изобразительного искусства с соответствующими мотивами и образами и многие другие факторы, среди которых - существование мощного субстрата – оптимальной хозяйственно-культурной системы, созданной в предшествующий период, основанной на освоение богатства недр, технико-технологических достижений и сбалансированных механизмов адаптации к природно-экологической нише региона, позволяют ставить вопрос о Казахском Алтае (и прилегающих территориях) как о зоне, где потенциально могло происходить формирование важнейших компонентов раннесакского культурного комплекса.

Вышеназванные опорные памятники предсакского и раннесакского облика с территории Казахстана (укажем еще – Уйгарак, Тагискен, Талды - II, Таксай, Кырык оба и т.д.), в совокупности с данными из Аржана I и II в Турано-Уюкской котловине, также дают возможность изучать специфику механизмов адаптации хозяйственно-культурных типов к природно-климатическим условиям центральноазиатского степного пространства.

Методологические принципы научного поиска, которые сейчас выкристаллизовываются в разработках по отечественной истории, предполагают изучение культурно-исторических процессов прошлого в контексте проблем преемственности, естественно, с учетом роли влияний глобальных, длительных и быстротечных волн разнонаправленных миграций, причин их возникновения и угасания, а также природы автохтонности, как явления иного, противоположного порядка и др.

Наши исследования затрагивают некоторые проблемы курганной археологии, которая нуждается в совершенствовании методики полевых исследований и документирования, внедрении достижений современной науки на междисциплинарном уровне, поскольку становится очевидным, что, например, анализ структуры конструктивных элементов наземных и внутримогильных сооружений (выяснение структуры и последовательности возведения слоев «насыпи» кургана), антропохимические исследования останков людей и животных, изучение состава почвы вокруг них в процессе вскрытия погребальной ямы и многие другие моменты дают не меньше информации, чем вещественные находки (особенно, изделия из золота), на получение которых были ориентированы раскопки прошлых лет (отчасти, это продолжается и сейчас).

Хронологическая атрибуция, равно как и процедура культурно-исторической реконструкции, выделение археологических культур, базируется, до сих пор на анализе вещественных комплексов, которые, в отличие от возводимых на месте погребально-поминальных сооружений, имеют свойства легко перемещаться в пространстве и, попадая в иноэтническую среду, подвергаться к различным изменениям, менять смысловую нагрузку, структуру, количественный и химический состав и др., следовательно, сами нуждаются в дополнительных аргументациях. Следовательно, необходимо тщательно изучать элементы конструкции погребального сооружения, на основе которого впоследствии будет построена концепция изучения структуры погребально-поминальной обрядности, определение абсолютной и относительной хронологии памятника и др.

Елеке сазы – обширная неровная котловина на северном предгорье хребта Тарбагатай, получившая свое название от имени человека, жившего здесь в прошлом. Местность представляет собой замкнутую, имеющую заметный наклон на север, чашевидную долину, окруженную невысокими горами и изрезанную малыми речками и ручейками, образующими многоводную реку Каргыба, а также с болотистыми участками и плоскими

возвышениями, на которых в меридиональном направлении расположены сотни курганов и поминальные сооружения, структурированные в самостоятельные группы и цепочки.

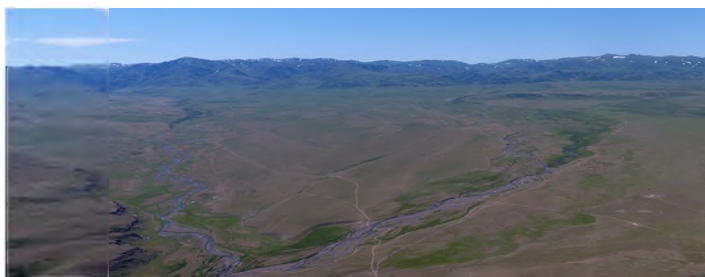


Рис.1. Панорама центрального участка курганного поля Елеке сазы, вид с севера

Елеке сазы непосредственно примыкает к северному склону основной оси хребта Тарбагатай, а ее северная периферия резко сужаясь образует небольшую котловину, которая ограничена отрезком горы с узким проходом, прорезанным рекой Каргыба.

На самой южной периферии второй группы памятников, ограниченной поперечной пологохолмистой возвышенностью, нами исследован незадернованный каменный курган, который, несмотря на сильное ограбление, дал весьма важный материал.

Курган имел округлую в плане форму, сложен несколькими слоями крупных и средних камней, в основном из окатанных, и выделялся от других тем, что его наземное сооружение из камня не был задернован, за исключением периферии. Высота кургана - 1,20 м, диаметр – 32,60х 32,15 м всю каменную конструкцию удерживала мощная крепида из округленных камней.



Рис.2. Каменный курган.
Конструкция наземного сооружения в процессе исследования

В центральной части наземного сооружения, на уровне древнего горизонта, просматривалась, несмотря на сильное разрушение, конструкция из плашмя положенных (местами в несколько слоев) крупных плит, общая конфигурация которой напоминает известный тип прямоугольной в плане формы погребальной камеры древних кочевников с примыкающим с восточной стороны дромосом (Рис.3).

В южной части этой условной погребальной камеры были зафиксированы обломки нижней челюсти и черепа, а также отдельные кости взрослого человека.

Ближе к ее северной стенке, на этом же уровне *in situ* лежали трубчатые кости ног человека, судя по которым, он был положен головой на запад с незначительным отклонением на юг. Следовательно, можно предположить, что в большой прямоугольной камере из плашмя положенных плит могли быть погребены два индивида.

С восточной стороны указанной камеры, среди разбросанных камней, как бы между стенками «дромоса» находились, в потревоженном состоянии, кости скелета двух лошадей, положенные головами на север, с незначительным отклонением на восток (рис.3).

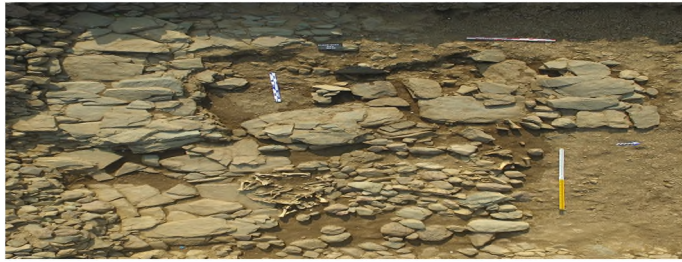


Рис. 3. Остатки разрушенной погребальной камеры на уровне древнего горизонта, на которых зафиксированы кости человека и захоронения двух лошадей

С обеих сторон черепа у одной из лошадей *in situ* найдены два псалия, сделанные из рога марала. Псалии в виде изогнутого стержня с заостренными концами и тремя отверстиями на разных плоскостях для продевания ремней (Рис.4).



Рис.4. Псалии из рога оленя, найденный возле черепа лошади

Сохранность второго псалия очень плохая. Забегая вперед отметим, что эти находки пока определяют самый ранний возраст раннесакских памятников региона и некоторых сопредельных территорий. Этот тип псалиев характерен для конца эпохи бронзы, где они найдены в различных памятниках 10-9 вв. до н.э. Центральной Азии (Каменный Лог I, Еловка, Устинкино, Торгажак и др.). На Алтае известны несколько трехдырчатых роговых псалиев [2, с. 63]. Здесь же найдено несколько костяных распределителей ремней, а также пронизи, спиленные из трубчатых костей, близкие аналогии к которым известны на Алтае [3, с. 85]. Под этими конями, в неглубокой прямоугольной яме находились скелеты еще двух лошадей без черепов, которые были уложены параллельно, на подогнутые под живот ноги. Тела животных были ориентированы передними частями на восток-северо-восток. У одной лошади между ребрами найден костяной распределитель ремня.

Вокруг основной погребальной камеры с останками двух индивидов и захоронения лошадей расположены ямы с погребениями еще четырех людей без инвентаря, головами ориентированных на запад и запад-юго-запад (Рис.5).

Они интересны с точки зрения постановки вопросов динамики социально-демографических явлений в обществе номадов на основе изучения поло-возрастных, антропологических и палеогенетических характеристик погребенных с привлечением данных и по другим курганам могильника Елеке сазы.



Рис.5. Погребения людей и захоронения лошадей в каменном кургане

Кроме упомянутых выше находок на месте, укажем на бронзовую бляшку от конского снаряжения в виде фигуры медведя и бронзового наконечника стрелы, которые были зафиксированы в грабительском лазе, но в пределах обширной погребальной камеры кургана (Рис. 6).

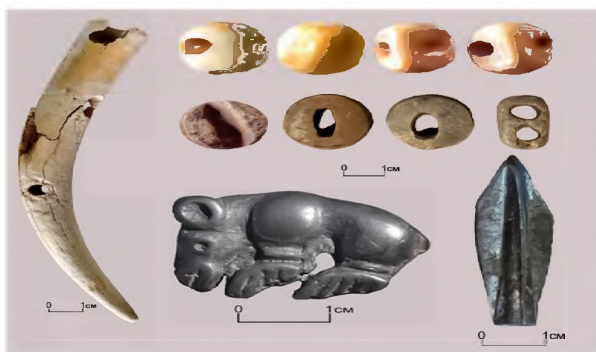


Рис. 6. Находки в каменном кургане – псаали из рога оленя, бронзовый наконечник стрелы, бронзовая бляшка от конского снаряжения в виде фигуры медведя, костяные пронизы и распределители ремня

Бронзовый двухлопастный, втульчатый наконечник стрелы длиной 4.5 см, довольно широко распространенный тип. Размер этого наконечника стрелы достаточно большой. Он имеет асимметрично-ромбическое перо, которое в самой широкой части достигает ширины 1.4 см. Наиболее широкая часть лопастей пера находится в верхней части наконечника стрелы. В нижней части лопасти доходят до самого основания втулки. Ширина втулки у самого ее основания 0.7 мм. В нижней части на втулке имеется отверстие. По обеим сторонам втулки по всей ее длине имеется нервюра. Цвет образца серебристо-серый. Наиболее ранние наконечники стрелы данного типа (с небольшими отличиями в пропорциях и длины втулки) происходят из кургана Аржан 1 [4], и ряда памятников Тувы [5, с.213-237; 6, с.69-75], кургана 5 Чиликты, Майэмира, Герасимовки и известны среди многочисленных случайных находок из Восточного Казахстана.

Бронзовая фигурка медведя. Зверь изображен с опущенной вниз большой головой, подчеркнуто большим овальным ухом с углублением в середине. Глаз выделен рельефным валиком, что дает фигуре медведя объемность и некоторую выразительность. Слегка зауженная морда, подчеркнутая пасть и оскаленные зубы придают образу зверя явную динамику и напряженность. Особый акцент древний художник сделал на показ гипертрофированных, но характерных для этого хищника, лап с длинными когтями, где сконцентрированы мощь и энергия неимоверно сильного зверя, полагая, возможно, что эти и другие качества магическим способом будут передаваться человеку, умножая потенциалы его самого и коня, при переходе в мир иной.

Крупная поперечная петля на обратной стороне бляшки предполагает расположение

этого украшения на вертикальном ремне конского оголовья.

Конструктивные особенности и сопроводительный инвентарь из каменного кургана второй группы памятников Елеке сазы позволяют уверенно датировать его не позднее середины 9 в. до н.э., что раньше элитного кургана Аржан-1 в Туве и отнести его к периоду самого раннего формирования сакской культуры Центральной Азии.

Особый интерес представляет курган № 4. Он расположен ближе северной периферии второй группы памятников Елеке сазы и представляет собой наиболее распространенный здесь тип погребального сооружения средней величины, который состоит из основного полусферического сооружения, окруженного внешним двухрядным кольцом и несомкнутым рвом (Рис. 7).



Рис. 7. Курган № 4. Виды до раскопа и начало исследования

Несмотря на скромные внешние параметры курган оказался чрезвычайно интересным как по своим архитектурно-конструктивным особенностям, так и по специфике наблюдаемого здесь «обряда перехода», но, главное тем, что здесь зафиксировано нетронутое погребение человека с престижными вещами.

Поверхность кургана была сильно задернована. Диаметр основного сооружения, с учетом развала камней - 33,25 м. Курган возвышается над дневной поверхностью на 1,6 м и окружен двухрядным кольцом (диаметр – 49,80 - 50 м, ширина - 0,60 - 1,25 м) из крупных разноцветных речных камней и рвом. Пространство от рва до крепиды основного сооружения кургана ровное, без камней.

Широкий (4,6-5,9 м), но неглубокий (до 0,35 м) и несомкнутый ров, непосредственно примыкающий извне к указанному двухрядному кольцу, опоясывает все сооружение и, по-видимому, его появление как элемента наземной конструкции маркировало последний акт погребального ритуала, связанного с возведением кургана.

Основное сооружение, практически это погребальная камера как базовый элемент всей структуры комплекса, строилась, согласно нормам ритуала, на уровне древнего горизонта из крупных и средних камней, имеет трапециевидные очертания (или усеченной пирамиды), в плане имеет слегка овально-вытянутую форму.

Внутреннее пространство погребальной камеры - 3,5х3,60 м (восток-запад 3,5 м, север-юг 3,60 м), имеет, в целом, прямоугольную конфигурацию.

На полу камеры кургана № 4 зафиксированы столбовые ямы (Рис. 8), а возле ее стен - следы сильно перегнивших бревен как в горизонтальном, так и в вертикальном положении, что указывают на возведение внутри каменного сооружения бревенчатого каркаса, наподобие срубных камер ряда синхронных памятников региона (Байгетобе, Шиликты и др.), которые расположены недалеко, но, возможно, с некоторыми иными техническими приемами. Следовательно, овально-трапециевидное (или усечено-пирамидальное) соору-

жение в центре кургана, определяемое нами как основное, представляет собой внешнюю каменную обкладку сруба-каркаса, внутри которого находились останки погребенных в специальных саркофагах из дерева.



Рис. 8. Курган № 4. Погребальная камера, столбовые ямы на полу погребальной камеры и общий законченный вид наземного сооружения, подготовленный для музеефикации

Трапециевидную бревенчатую камеру и входной коридор (дромос) с восточной стороны, обкладывали крупными камнями, до тех пор, пока она не обрела законченный вид.

С восточной стороны к нему примыкает дромос, сильно разрушенный грабителями. Длина дромаса 5,30 м, ширина 1,30-1,56 м; длина внизу - 4,15 м, ширина внизу - 0,85-1,15 м, реальная глубина дромаса от дневной поверхности неизвестна, после разрушения грабителями - 1,68 м.

Западная профанная, наиболее уязвимая, с точки зрения обрядовой практики и мифоритуальных представлений социума сторона погребальной камеры извне укреплялась полудуговой пахсовой заливкой.

После этого вся наземная конструкция последовательно наращивалась дерновыми плитками (иногда, болотными кочками), лепешковидными и комковидными «кирпичиками», грунтом и другими строительными материалами до самого верха кургана и на последнем этапе покрывалась вкруговую «панцирной рубашкой» из мелкоколотых камней и речного галечника (Рис. 9).



Рис. 9. Курган № 4. Разрезы наземного сооружения

Панцирное покрытие на самой макушке кургана будто бы разобрано грабителями или, возможно, древние строители оставили этот участок сооружения без «рубашки» преднамеренно, исходя из предписаний ритуала.

Всю структуру многослойной насыпи кургана по всему кругу у основания удерживала, сложенная из крупных окатанных камней крепида, диаметром 28м (Рис. 9). Возможно, что крепида имела, кроме технической, и религиозно-магическую охранительную функцию. В северо-восточном секторе кургана, при зачистке панцирного покрытия под некоторыми камнями крепиды были обнаружены украшения от женского и мужского костюмов, предметы быта и другие изделия (Рис. 10).



Рис. 10. Курган № 4. Внешние находки. Подкамями крепиды найдены преднамеренно спрятанные украшения : более 12 тыс. золотые трубочки-бисер, различные нашивки, бляшки в виде фигур кошачьих хищников, бусы, бронзовые зеркало и иголка и др.

Возможно, что это подношение - дары участников обряда перехода или вещи, спрятанные под камнями значительно позже, в условиях совершения каких-то постпохоронных циклических ритуальных действий. Не исключена вероятность, что эти украшения преднамеренно были изъяты из погребальных облачений похороненных здесь персон, затем, после совершения какого-то ритуала были здесь спрятаны, т.е. включены в другой религиозно-философский контекст, согласно предписаниям неизвестной нам обрядовой практики. В качестве типологической параллели укажем на один казахский обычай – «тәбәрік» (трансформация – «жыртқыс») - раздача особо ценных вещей и одежду умершего его людям, чтобы его положительные качества (или дух) через эти дары или обрывки переходили им и, чтобы они сохранили в памяти добрые воспоминания о нем.

Круглые бляшки из листового золота с двумя-четырьмя напаянными плоскими петельками на оборотной стороне. Диаметр изделия 0,8 см, ширина золотой петел - 0,2 см, длина в обороте 0,4 см, расстояние между петельками, 0,2 см. По-видимому, эти бляшки составляли основу декора погребального кафтана мужчины.

Зооморфная бляшка. Овально вытянутая небольшая золотая пластина с тиснением фигуры хищного зверя. Пластина смята, но просматривается голова, круп и когтистые передний и задний ноги. В районе головы можно увидеть морду с ноздрями, уши и глаза. Ноздри и глаза выполнены треугольными вдавлениями. Таких пластин несколько, но остальные сохранились лишь фрагментарно.

Близкие аналогии нашим бляшкам происходят из могильника Тасмола V в. Сарыарке [7, с. 398, Рис. 63], в западных регионах Казахстана, Урала и Поволжья.

Фигурные бляшки, оформленные в виде голов хищной птицы на противоположных концах, с сильно загнутым клювом и выступом на макушке, вырезаны из толстого листового золота. Головы хищной птицы на концах изделия как бы образуют единую S-видную фигуру-бляшку. На обратной стороне бляшек припаяны две петли стандартных размеров.

Узкая S - видная бляшка с двумя прорезями посередине. Длина изделия 2 см,

максимальная ширина 0,5 см. Концы изделия слегка заужены. Форма прорезей повторяет плавные изгибы и напоминают форму капли или клюва. Заостренные кончики повернуты в противоположные друг от друга стороны.

Узкая биконическая подвеска, составленная из двух половин, с петлей на одном конце и тремя заостренными колосиками-усиками, на другом. Длина 1,5 см, максимальная ширина на месте соединения конусов 0,6 см. Подобные украшения костюма зафиксированы среди материалов кургана Байгетобе, Жалаулинского клада, Аржана-2 и др.

Бисер, видимо, от штанов, более 10-ти тысяч единиц, представляет собой до 1 мм в диаметре миниатюрные трубочки. Интерес представляет технология изготовления [8].

Фрагменты спиралевидного украшения из золотой проволоки, которые также часто встречаются среди материалов раннесакских курганов.

Золотые боченковидные с ребрами и овальные из двух соединенных между собой полусфер со сквозными отверстиями посередине.

Продолговатая подвеска с петелькой, с тремя боковыми лопастями-оперениями, которые сужаются к низу. В нижней части просверлено сквозное отверстие.

Особый интерес представляет бронзовая иголка с ушком. Длина 5,5 см. Иголка в виде удлиненного стержня, в сечении округлой формы. Сужается к острию и расширяется немного в верхней части.

Под камнями также были обнаружены многочисленные бусы и подвески из разноцветных полудрагоценных камней – бирюзы, яшмы, сердолика, халцедона, пирита, гагата, ракушечника и др.

Вместе с вышеотмеченными изделиями здесь было найдено бронзовое зеркало с невысоким бортиком, диаметром 16,5 см. На его тыльной стороне имеются следы от петельки.

В центре кургана находилась трапециевидной формы погребальная камера, зафиксировано парное захоронение, совершенное, как и в некоторых раннесакских элитных курганах, на уровне древнего горизонта (Рис. 11).



Рис. 11. Курган № 4. Овально-трапециевидное центральное сооружение с прямоугольной камерой и примыкающим с востока дромосом (сильно разрушенным). На уровне древнего горизонта внутри камеры из камня был возведен бревенчатый сруб для погребения двух индивидов – женщины и мужчины.

Этим и отличается курган № 4 могильника Елеке сазы от самого выдающегося памятника раннесакской культуры в Центральной Азии – Аржана-2, где царское захоронение в могиле 5, находилось на глубине 3 м от дневной поверхности.

Останки человека справа, по предварительному заключению антропологов, принадлежали индивиду женского пола около 15 лет, первоначально находились на полу

камеры, судя по пятнам и остаткам некоторых костей скелета, ближе к правой стене, но погребение было начисто разграблено древними грабителями, проникшими, по-видимому, через дромос. Сохранились лишь фрагмент черепной коробки и просверленные для медицинских манипуляций плечевая, бедренная и левая большеберцовая кости [9, с. 310]. Найдены украшение костюма в виде вырезанной из листового золота головы оленя с длинными гипертрофированными рогами и квадратной формы роговое изделие, которое, возможно, являлось деталью приспособления для изготовления шерстяных ниток (Рис. 12).



Рис.12. Костные остатки женщины, погребенной рядом с мужчиной и роговая пластина с отверстиями

Другой погребенный, кости которого полностью уцелели, возможно, благодаря завала камней внутри камеры, находилось слева, ближе к северной ее стене. Его останки принадлежали знатнейшему юноше лет 17-18.

Умершего положили на спину, головой на запад, с незначительным отклонением на север (Рис. 13, 14). Правая рука покоилась на кинжале в ножнах, а левая лежала поверх горита. Ноги вытянуты прямо, ступни направлены во внешние стороны.



Рис. 13. Нетронутое грабителями погребение мужчины



Рис. 14. Фрагменты погребения мужчины с украшениями костюма и предметами вооружения

Трубчатые кости рук и ног погребенного были просверлены медицинским путем (для введения консервирующих веществ для бальзамирования?) для проведения какого-то длительного ритуала, связанного с проводом умершего в иной мир. Антропологи полагают, что «цель подобной традиции может быть объяснена необходимостью прощания членов родоплеменного объединения с лицом высокого социального ранга, что в условиях кочевого образа жизни не всегда представляется возможным в короткие сроки» [9, с.309-314].

Над костями человека местами сохранились остатки деревянных плах, возможно, указывающие на то, что первоначально он был положен в деревянный саркофаг.

Сохранность костей относительно неплохая, что позволило осуществить антропологическую реконструкцию в Институте этнологии и антропологии РАН РФ под руководством Е.В. Веселовской (Рис. 15) и проведению ряда аналитических исследований, в том числе палеогенетический анализ отцовских и материнских линий в Институте общей генетики и цитологии МОН РК под руководством Л.Б. Джансугуровой.

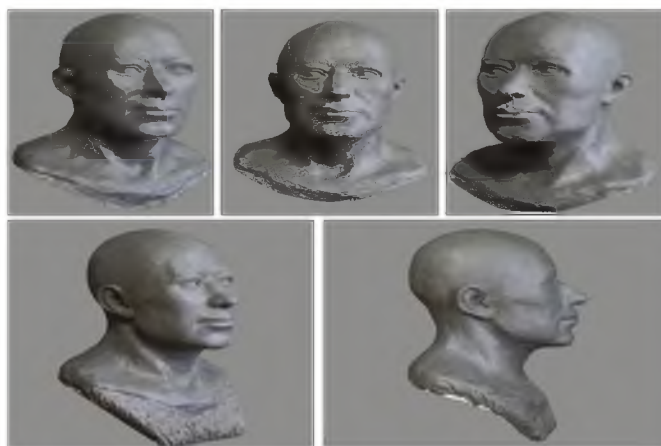


Рис.15 Антропологическая реконструкция по мужскому черепу из кургана №4, выполненная Е.В.Веселовской

Одним из интересных выводов генетиков является то, что юноша и молодая женщина из кургана № 4 некрополя Елеке сазы имеют «одинаковый гаплотип Lb1a1e мтДНК, что указывает на кровную связь по материнской стороне данных индивидов» [10, с.103, 106]. Анализ SNP Y – хромосомы показал, что отцовская линия юноши из кургана № 4 принадлежит к гаплогруппе R1a1a1-M417.

Вещевой комплекс. Ближе к северо-западному углу камеры, значительно выше головы человека, находились следы какого-то изделия, от которого сохранились короткие (до 1см) бронзовые заклепки, расположенные по кругу (Рис.16). Назначение предмета пока нам неизвестно, возможно, элемент головного убора.

Слева от черепной коробки лежали золотые украшения, вероятно, от головного убора – вырезанная из листового золота голова оленя, листы и фигура марала без рога в перевернутом положении (Рис. 16). Древним резчиком очень лаконично и точно переданы контуры головы животного, ухо, глаз и ноздри. Наибольший интерес представляют рога, выполненные назад в одну линию. Передние отростки традиционно S-видной формы, но сохранились не у всех экземпляров.

В пространстве между левым плечом и головой, а также поверх левой лопатки и ключицы погребенного лежали фрагментированные остатки еще двух вырезанных из золотого листа оленьих голов.

На шее скелета усопшего лежала массивная золотая гривна со спиралевидно оформленным стержнем и удлинненно-прямоугольными концами (Рис. 14, 17).



Рис. 16. Курган № 4. Остатки круглого предмета с бронзовыми заклепками, золотые пластины и нашивки в виде протом оленей от головного убора человека

Для этого украшения сначала, видимо, изготовлена массивная пластина, затем ее пере-
кручивали известным способом.

На предмете местами фиксируются небольшие трещины, образовавшиеся в процессе
перекручивания пластины.

С правой стороны черепа, в области височной кости находится золотая трубочка,
которая, по предварительному заключению антропологов, могла быть использована при
бальзамировании тела покойного. В то же время не исключено, что она могла украшать
кончик ремня головного убора (Рис.14).

Возле шейных позвонков человека находилась вторая трубочка, диаметром чуть
побольше, но короткая, образованная из листового золота, с рельефным орнаментом в виде
закрученной спирали (Рис. 14). Один конец имеет также закругление.

На левой ключице погребенного находилась маленькая бляшка в виде фигуры
свернувшегося в кольцо кошачьего хищника, выполненного в классическом раннесакском
стиле: все конечности, голова, уши, лопатка и морда зверя переданы в виде круглого
углубления (Рис. 14, 17).

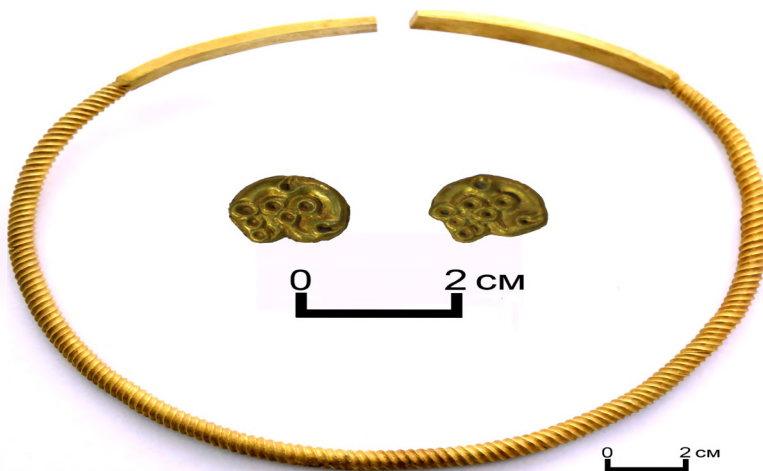


Рис.17. Массивная витая гривна и бляшки в виде свернувшихся в кольцо коша-

Вторая подобная бляшка находится с правой стороны скелета, выше тазовой кости
и, по-видимому, маркируют гарнитуру пояса или портупейных ремней, поскольку ниже,

возле правого бедра человека, помещен бронзовый кинжал в роскошных ножнах с золотой обкладкой, украшенной символическими знаками и фигурами оленей и хищников, выполненных в технике зерни (Рис. 14, 17).

Рассмотрим несколько подробнее указанные находки. Начнем с ножен. Основу ножен составляют тонкие деревянные планки (Рис. 18), обшитые листовым золотом.



Рис. 18. Деревянные планки от ножен бронзового кинжала

Сама золотая обкладка ножен кинжала имеет лицевую сторону и обратную пустотелую, состоит из четырех разновеликих золотых пластин, которые соединяясь между собой как бы формируют одно семантическое поле из трех вертикально организованных зон (Рис. 19). Вся поверхность изделия декорирована роскошными фигурами различных зверей или их протомами, а также символическими знаками, выполненными в технике зерни и частично инкрустированными цветными камнями.



Рис. 19. Составная обкладка ножен кинжала

Низ ножен состоит, в отличие от верха и середины, из двух равнозначных двумерных элементов, которые стыкуются на линии «ребра жесткости».

Верхнее деление золотых ножен, где размещается перекрестье кинжала и отверстие

для продевания шляпки запонка- фиксатора от шарнира портупей, шире чем остальные части и, соответственно, имеет несколько усложненную триединую структуру. Рельефно выделенный, практически повторяющий форму перекрестья кинжала, устье ножен с золотой обкладкой, с намеченным «ребром жесткости» посередине и, как на изображениях ападаны Персеполиса, имеет слабо намеченные полукруглые выемки. Нижняя часть устья ножен также полностью повторяет опущенный низ перекрестья кинжала. Справа к нему примыкает несколько напоминающий клыковидную подвеску элемент – фигурный боковой выступ-лопасть с овальным отверстием (1,16x0,98 см) в верхней части. В это отверстие застегивалась кнопка-заклепка двухзвенчатого удиловидного шарнира, который крепился, к боевому (стрелковому) поясу другим концом. Третий элемент верха, соответствующая ширине клинка оружия, в виде короткой пластины, расположена ниже указанного «бабочковидного» выступа для перекрестья. Отметим, что еще Е. В. Черненко справедливо указывал на неудачность такого энтомологического названия формы перекрестья клинкового оружия [11, с.11].

Середина ножен состоит из длинной ребристой, слегка сужающейся книзу пластины длиной 11,29 см, шириной 4,6 и 3,95 см, которая вдевалась в верхнюю пластину.

Нижнее деление состоит, как отмечено, из двух одинаковых элементов, у которых крыловидно закругленные боковые части соединяясь между собой образуют перпендикулярно расположенную по отношению к основной плоскости ножен, бутероль.

Декорирование поверхности обкладки ножен изображениями животных и символических знаков выполнено по четко выделяющимся трем зонам и, вероятно, соответствует троичным представлениям людей раннесакской эпохи о структуре мифологического пространства.

Верхняя зона обкладки ножен самая насыщенная декоративными элементами, в ней помещены изображения трех безрогих травоядных животных – косуль(?) и одного хищника, выполненные в технике зерни по контуру. Здесь две фигуры копытных животных с повернутыми назад головами и подогнутыми под брюхо ногами удачно вписаны на рельефно выступающее в виде «крыльев бабочки» пространство ножен, зеркальной симметрией. Особо подчеркнуты поджарый корпус и мощно изогнутые шеи и сужающиеся к кончику морды животных. Бросается в глаза выразительные, длинные и заостренные уши животных, инкрустированные цветными камнями. Отметим, что глаза, хвосты, копыта передних и задних ног животных также имеют аналогичные вставки. Лопатки и крупы животных маркированы традиционными спиральными символами. Под отмеченным выше бабочковидным выступом находится контурное изображение фигуры кошачьего хищника, показанная корпусом вниз, а его массивная и короткая голова повернута вверх. Хвост зверя со спирально закрученным кончиком располагается параллельно спине. Прямые ноги хищника показаны в позе внезапной остановки, но без изгибов скакательных суставов, кончики обозначены крупными вставками. Пасть зверя, ноздри, глаза и уши инкрустированы заметно крупными, по сравнению с предыдущими образцами, цветными камнями. Тело зверя также маркировано спиральными завитками. Боковой когтевидный выступ с отверстием для подвешивания декорирован фигурой травоядного животного головой вниз, по стилистическим характеристикам и позе аналогичная вышеописанным, но размером немного крупнее. Вокруг отверстия расположены символы, один из них S-видный, с закрученной приставкой.

Средняя зона покрыта двумя, направленными сверху вниз головами оленей с гипертрофированными рогами, расположенными по сторонам ребра жесткости. Головы оленей мордами направлены к внешним углам, уши длинные, глаза крупные и с бирюзовыми вставками. Передний S-видный отросток рогов животных традиционно показаны над лбами, а шесть остальные волнистые рога ритмично направлены назад. Между головами оленей, в нижней части помещен в горизонтальном положении S- видный символ, кото-

рый как бы ограничивает предел средней зоны. Здесь на ребро жесткости напаяны такие же шарики-зерни, из которых выполнены контуры всех изображений.

Нижняя двухчастная зона декорирована аналогичными изображениями голов оленей, направленных снизу вверх и почти соприкасаются с мордами животных средней зоны. На двух узких, вертикально расположенных боковых крыльях с расширяющимся кончиком (бутероль) изображены четыре и, соответственно, пять S-видных знаков и косые линии.

Для инкрустации обкладки ножен были использованы три минерала – бирюза синезеленый, $\text{CuAl}_6(\text{OH})_2[\text{PO}_4] \cdot 4\text{H}_2\text{O}$, лазурит, серый, $(\text{Na,Ca})_8[(\text{S,Cl,SO}_4,\text{OH})_2](\text{Al}_6\text{Si}_6\text{O}_{24})$ и азурит, серый, $\text{Na, Ca}_8(\text{S,Cl,SO}_4,\text{OH})_2(\text{Al}_6\text{Si}_6\text{O}_{24})$

Золотые декорированные пластины, как отмечалось выше, облицовывают лишь лицевую часть ножен, а деревянная планка на оборотной стороне, возможно, была обтянута кожей.

Кинжал. Фигурная рукоять литого бронзового кинжала, прямоугольная в сечении, со слегка скругленными гранями, украшена с двух сторон стилизованными четырьмя символами, которые напоминают рога муфлона (?) и расположены в ряд один над другим и слегка выступают за край ручки (Рис. 20).

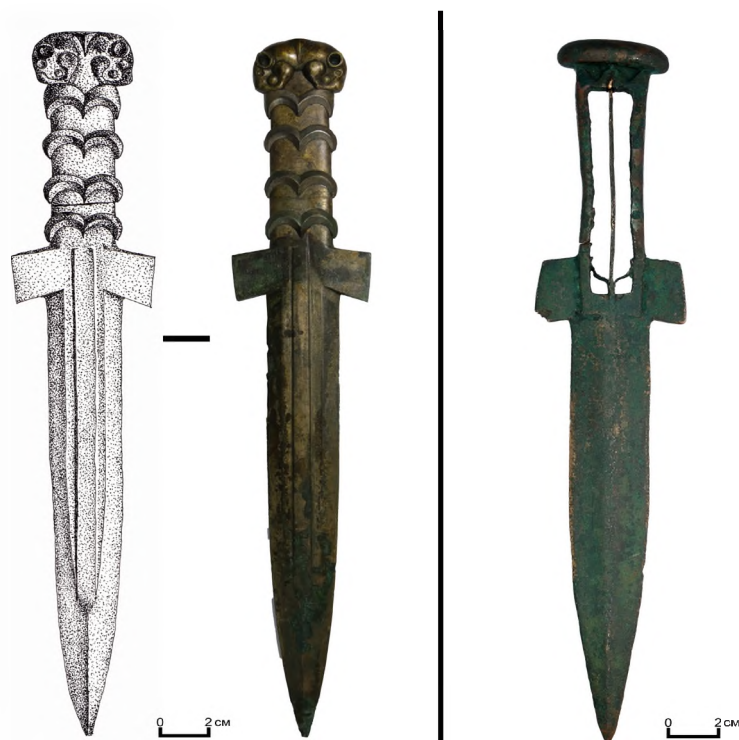


Рис. 20. Бронзовый кинжал, с рифленной рукоятью и опущенным вниз концами прямым перекрестьем

Ширина этих фигур – 2,7 см, высота – 1,3 см. Расстояние между ними разное. Так между верхней фигурой и второй расстояние – 0,4 см, между второй – и третьей – 0,8 см, между третьей и четвертой – 0,7 см. На расстоянии 6,9 см от верхнего края, ручка в древности сломана (преднамеренно?) пополам. Эти ребристые украшения отличаются более светлым оттенком и, возможно, заготавливались отдельно, затем очень аккуратно наваривались с двух сторон к основному стержню рукояти.

Навершие рукояти выполнено в виде двух головок кошачьих хищников в профиль, морды которых направлены в противоположенные стороны (Рис. 20, 21). Фигуры объемные, круглыми ямками показаны глаза, овальными углублениями – уши, причем достаточно глубокими, что позволяет предполагать, что в них могли вставлять цветные минералы. Щеки хищника подчеркнута выпуклые. Голова круглая и по морфологическим признакам наиболее соответствует голове снежного барса.

Бликий тип перекрестья такого рода клинкового оружия встречаются на западе («келермесского типа» и др.), но, в целом, они несколько моложе нашего образца [12, с. 40-42], который связан, скорее, с карасукской линией развития. Наиболее близкий образец с подобной трактовкой перекрестья известен среди случайных находок из самого Восточного Казахстана (Рис. 20).



Рис. 21. Навершие рукояти бронзового кинжала в виде протом кошачьего хищника

Клинок узкий треугольный, по середине лезвия, начиная от ручки и на три четверти его длины проходит прямоугольная нервюра (15 см длиной, шириной 6 мм по всей длине и высотой 1,5 мм), ограниченная с двух сторон неглубокими ложками. Ширина ложков постепенно уменьшается от рукояти к острию. Прямоугольная нервюра плавно заканчивается и на конце лезвия сделано продолжение в виде узкой нервюры до конца клинка, подтреугольной в сечении формы (длина ее – 5,4 см, ширина – 0,2 см). Окончание лезвия имеет линзовидное сечение.

Длина кинжала – 29,4 см;

длина ручки до гарды – 9 см, ширина ручки – 2,37 см;

длина клинка – 19,1 см, наибольшая ширина клинка – 2,7 см;

длина гарды (перекрестия) – 5,08 см, ширина – 2,16 см.

Бронзовое зеркало (Рис. 22) имеющее малый диаметр (6-7 см), лежало на вырезе золотой обкладки ножен кинжала, поверх деревянной планки, узкой железной ручкой вниз. Железная ручка была прикреплена к диску зеркала с помощью трех заклепок с обратной стороны.

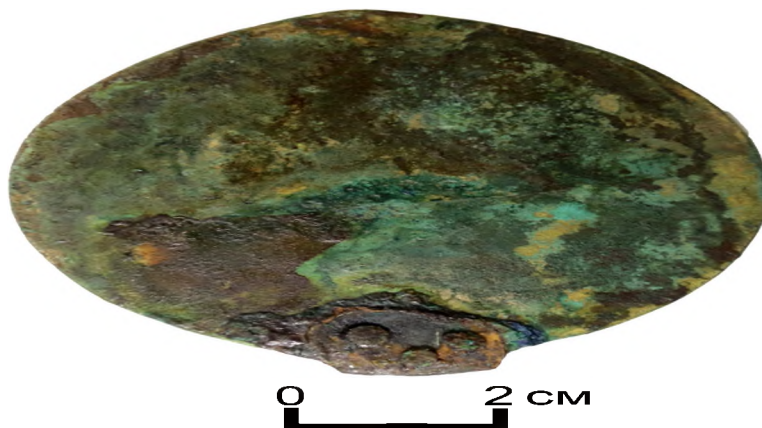


Рис. 22. Бронзовое зеркало

Сохранность ручки очень плохая. Диск зеркала имеет незначительное заострение на другом конце.

Особый интерес представляют бронзовое двухсоставные подвижные приспособления – шарниры-стабилизаторы от португепи, с помощью которых кинжал и горит подвешивались

к боевому поясу (Рис. 23).



Рис. 23. Бронзовые шарниры для крепления к поясу кинжала и горита

Они имеют форму двухзвенчатых удил лежали справа от погребенного, возле бронзового кинжала в ножнах с золотыми обкладками и слева, возле горита с бронзовыми наконечниками стрел, ближе к донной части. Оба звена шарнира соединены между собой с помощью цельнолитых колец, а противоположные концы, которые соединяются с предметами и боевым поясом имеют вид запонки с грибовидными и плоскими шляпками, которые соединяются посередине узкими и короткими (0,5 см) стержнями. Зазор между шляпками для продевания – около 0,5 см, что вполне достаточно, чтобы плотно закрепить к прорезью на кожаном поясе и овальной отверстию на ножнах кинжала. У кожаного футляра горита, по-видимому, был специальный ремешок с отверстием или прорезью для крепления конца бронзового шарнира. Здесь был зафиксирован фрагмент кончика узкого ремешка с золотой обкладкой.

Под левую руку умершего был положен, по-видимому, горит и чехол для лука – налучье, возможно, связанные воедино с помощью коротких ремней, как это показано на оленем камне из Баян Зурха в Монголии [13, с.245, табл.130]. Форму налучья можно реконструировать также по скифо-сакской торевтике. Узкая и длинная пластина из золота (Рис. 24), украшавшая лицевую поверхность деревянной планки на краю футляра для стрел и служившая одновременно ребром жесткости, в результате давления камней и грунта, оказалась несколько сдвинутой.

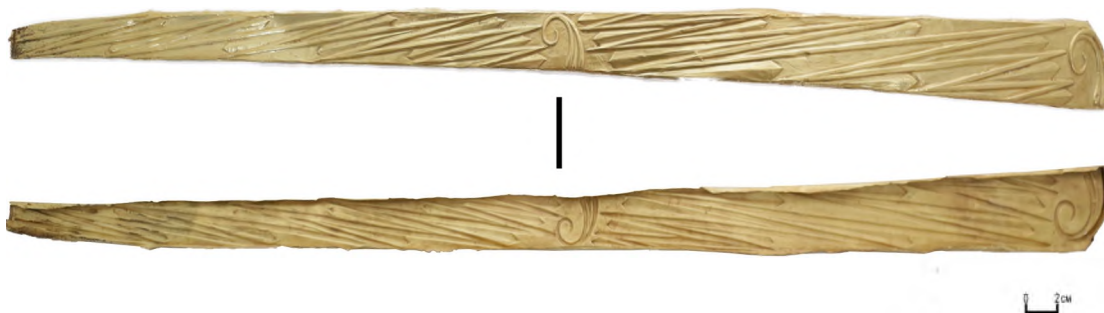


Рис. 24. Золотая обкладка колчана

Деревянное дно футляра для стрел также имело обкладку из листового золота, украшенную впечатляющими фигурами противостоящих оленей, выполненных в технике зерни (Рис. 25).



Рис. 25. Золотая обкладка дна колчана с геральдическими изображениями двух оленей

Этот замечательный предмет представляет собой декоративный элемент деревянного дна округлого в сечении футляра для стрел - колчана, являющегося частью двухкомпонентного воинского снаряжения – горита. Он изготовлен из листового золота, в нижней части имеет, округлую (диаметр, около 9 см), а в верхней – овално-вытянутую и несколько напоминающую профиль груши или силуэт кочевнического кожного сосуда- бурдюка (общая длина, примерно, 12,5 см), форму. Изделие оконтурено рельефно выступающей дугой, образованной в результате штамповки с тыльной стороны. К этой неглубокой (около 3-4 мм) бороздке-пазе вставлялся низ кожного футляра, фрагменты которого сохранились. Концы дуги примыкают к прямой (вертикальной) рельефной полоске, созданной также путем штамповки с тыльной стороны изделия и сужающейся в нижней части, которая как бы проникает к середине обкладки почти на две трети. К этой пазе прикреплялась нижняя часть тонкой деревянной, расширяющейся во внешнюю сторону планки-перегородки, которая разделяла внутреннее пространство футляра на две части, и выступая в наружную сторону, одновременно играла роль ребра жесткости и к ней могла пришиваться петля для подвешивания снаряжения к стрелковому поясу. Можно было бы предположить, что в футляре могли одновременно находиться две группы многоцелевых стрел с разными типами наконечников. Однако, следует отметить, что все 40 бронзовых наконечников, которые были обнаружены нами на дне колчана, оказались двухлопастными черешковыми (Рис. 26).

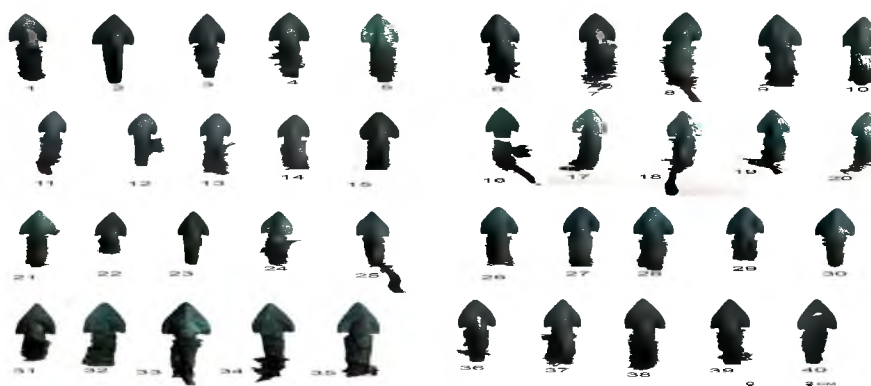


Рис. 26. Бронзовые черешковые наконечники стрел

Лицевая сторона золотой обкладки дна колчана украшена, как отмечено выше, двумя геральдически расположенными (или по принципу зеркальной симметрии) фигурами оленей, следовательно, как декоративный элемент горита, который носился на стрелковом поясе под определенным углом, так, чтобы зритель спереди мог видеть своеобразие художественного оформления поверхности изделия и в тоже время через образы священных зверей, кодирующих мобильное состояние раннесакского социума, понять

и «прочитать» структуру комплекса мировоззренческих ориентиров человека. Общая архитектура композиции такова - корпуса двух зверей помещены под углом, спинами друг к другу, повернутыми назад головами (с вертикально посаженными рогами) вверх, а ногами, соответственно, во внешние стороны.

Ниже хвостов животных, примерно на равном расстоянии, помещен S-видный знак-символ в горизонтальном положении. Аналогичный знак находится в другом месте, на уровне изображения уха и изгиба шеи левого оленя. Композиция, вписанная на ограниченную поверхность золотой пластины, создает в сознании зрителя динамично воспринимаемую бинарную структуру пространства.

Изображения оленей, выполнены техникой зерни, т.е. пайки на гладкую поверхность пластины золотых «шариков», диаметром в 1 мм. Шарик усиливает восприятие образов животных тем, что, они при определенных условиях за счет игры теней и света создают дополнительный эффект объемности и движения. Гамма цветов инкрустации ушей, глаз, конечностей фигур оленей бирюзой, лазуритом, азуритом, халцедоном и др. еще ярче способствует эмоционально-психологическому восприятию обожествленного образа самого юноши.

Образы животных, запечатленные на пластине, по способу организации в пространстве близки к геральдичности, но, в то же время некоторые элементы их «декора» трактованы не вполне симметрично. Так, две спиралевидные завитки на уровне лопаток животных, которые обычно воспринимаются как символы крыльев мифических существ, направлены вверх, другое вниз, что не исключает возможности интерпретировать их с позиции бинарных оппозиций: правое - левое, верх-низ, мужское-женское и т.д. Есть также различия в передаче изгибов шеи, отростков рогов и др. однако, они не искажают геральдическое восприятие всей композиции.

Рога животных, показанные в традиционном раннесакском стиле тремя извилистыми линиями направлены, от уровня глаз строго вверх и помещены по сторонам выступающей на поверхности вертикальной полоски для крепления с оборотной стороны планка (упомянутой выше), которая, по-видимому, олицетворяет мировое древо, мифологическую ось и вместе с фигурами оленей символизируют бинарную структуру пространства. Передние, традиционно S-видные отростки рогов обоих оленей, которые составляют важнейший элемент композиции, почти соприкасаются, поскольку головы животных обращены друг к другу. Обращает на себя внимание, что у рогов и линии контура фигур животных местами отсутствуют шарики-зерни: либо они выпали, либо изначально не были напаяны, на что косвенно указывает и видимое отсутствие на поверхности пластины следов пайки.

Уши оленей длинные, узкие и сильно заостренные; под небольшим углом направлены вверх. У правого животного ухо инкрустировано лазуритом, у левого – бирюзой, что придает изделию и композиции в целом особый колорит.

Головы животных, посаженные на короткие шеи, непропорционально длинные и сужающиеся, повернуты назад к спине и обращены друг к другу так, что почти соприкасаются кончиками морды. Особую выразительность к голове придают изящно смоделированные изгибы нижних челюстей животных, которые одновременно как бы могут обозначат и холки.

Ноздря у правого оленя украшена бирюзовой вставкой, левого - лазуритом тончайшей работы, что также придает образу животных особое благородство. Вставки ноздрей оленей листовидной формы и острыми концами направлены в верхнюю часть.

Нижняя губа или ротовая шель правого оленя инкрустирована лазуритовой вставкой, левого – бирюзой. В обоих случаях цветные вставки оформлены в виде узкого, наподобие ивового листка фигуры, как и уши, но острием вниз.

Глаза и отдельно зрачки у обеих фигур оленей украшены круглыми бирюзовыми вставками.

Хвосты у обоих животных инкрустированы бирюзовыми вставками, вырезанными в виде капли, острые концы которых направлены вниз.

Ноги оленей согнуты и показаны поджатыми под линии живота. Острые кончики копыт и, что интересно, миниатюрные сезамовидные кости над ними, также инкрустированы цветными камнями.

Один из самых выразительных элементов декора на изображении корпуса оленя является волютообразный знак на крупе, которая закручена назад. Вместе с подобным элементом на лопатке, они придают образу оленя особый культурно-хронологический оттенок и, возможно, формирует некий семантический код раннесакского социума.

Бронзовые наконечники стрел (40 шт.) относятся к типу двухлопастных черешковых. Головка наконечника острая, ромбическая в сечении, переходящая в две лопасти с выемками вокруг круглого стержня. Концы лопастей спускаются к низу и заострены. Черешок круглый, переходящий в плоский и постепенной уменьшается по толщине.

Размеры наконечников различаются, так как часть черешков обломана в древности.

Общая длина 8,1 – 7,2 см, головка – 3,1 – 3,2 см, ширина – 0,54-0,9 см.

Древки расщепляли, куда вставлялся наконечник стрелы и крепко обматывался конским волосом. На многих это достаточно хорошо видно. Следует заметить, что в другом кургане, расположенным в нескольких шагах от описываемого, найдены, наряду с абсолютно одинаковыми с нашими фигурками безрогих маралов, двухлопастные втульчатые бронзовые наконечники стрел (Рис. 28), что указывает на отсутствие между этими типами боевых снарядов хронологического разрыва.

Возле остатков горита с бронзовыми наконечниками и вдоль левой руки и ноги погребенного лежали несколько золотых бляшек в виде фигур оленей – семь безрогих и одна, крупная по размеру, с рогами. Они как бы разбросаны по линии от плеча до ступни левой ноги (растасцены грызунами?), но украшали, по-видимому, поверхность горита.

Единственная фигура оленя с рогами изображена в лежащей (или летящей) позе, ноги согнуты в суставах и подобраны под живот, при этом задние находятся ниже передних, копыта острые и были инкрустированы цветными камнями. Голова животного посажена на круто поднятую массивную шею с подчеркнутыми бороздкой мышцами. Рога животного с S-видными отростками откинута назад, а передний отросток традиционно направлен вперед. Ухо длинное, листовидное, также намечены треугольная холка и хвост. Наибольший интерес вызывает треугольная инкрустация на крупе оленя, внутри когтевидного гнезда, из кусков бирюзы и с кругом с точкой в середине. Треугольная составная фигура, в свою очередь, обставлена лазуритовыми вставками. Аналогичная вставка была, по-видимому, на лопатке оленя, где сохранилось только когтевидное (каплевидное) гнездо. У оленя особо подчеркнуты скакательные суставы, мышцы на теле, шее и на скуле, что придает фигуре зверя особую динамику и напряженное состояние.

Фигуры остальных семи безрогих животных, по-видимому, из семейства маралых (самки?), украшали поверхность горита. Все они выполнены в близкой изобразительной манере – согнутые в суставах ноги плотно поджаты к телу, шеи круто подняты. Тем не менее у каждой фигуры оленя есть небольшие отличия в трактовке отдельных частей тела животного. Глаза, уши и все конечности изображенных оленей были инкрустированы цветными камнями, но сохранились не все. Возможно, что древний мастер для декорирования поверхности боевого снаряжения, предназначенного для сопровождения в иной мир царственного юношу, выбрал символическое число фигур оленей и принцип один самец

+ семь самок, что может быть связано не только с числовыми характеристиками, но с какими-то другими представлениями об окружающем мире, культом плодородия и т.д. Изображения оленей на поверхностях сакрализованных предметов связаны, безусловно, с существованием в обществе древних кочевников развитого культа этого животного. Сохранность фигур оленей плохая из-за агрессивности состава почвы.

Аналогичные фигуры безрогих оленей найдены, вместе с бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел, в другом кургане (Рис. 28), расположенного в нескольких шагах от кургана [14, с.161-171].



Рис. 28. Бронзовые втульчатые наконечники стрел и фигуры маралов из кургана

Близкие параллели фигуре рогатого оленя с инкрустацией известны в материалах из Шиликтинских курганов [15]. Их объединяет общая трактовка образа, летящая (или лежащая) поза, одинаковые формы рогов, способ инкрустации.

Остатки кожи сохранились, в основном, на дне футляра для стрел, поэтому на них четко просматриваются их отпечатки (Рис. 29).



Рис. 29. Остатки кожаного колчана с отпечатками наконечников стрел

Возле бронзовых наконечников стрел сохранился кончик кожаного ремня с золотой обкладкой, фрагмент узелка из кожаной тесьмы.

На фалангах обеих ног погребенного находилось большое количество трубчатого бисера из золота, аналогичные изделиям из Аржан 2 в Тыве (Рис. 14).

Итак, для целей хронологической атрибуции необходимо в будущем осуществить сравнительный анализ архитектурно-конструктивных элементов и вещевого комплекса раскопанных курганов могильника Елеке сазы и синхронизировать их с другими памятниками из соседних регионов.

Скромные материалы из каменного кургана во второй группе памятников Елеке сазы оказались весьма интересными в плане постановки вопроса о месте и времени формирования раннесакского культурного комплекса.

По конструктивным особенностям, исследованный нами курган № 4 могильника Елеке сазы на Тарбагатае имеет много общего, в первую очередь, с известными погребальными сооружениями из Восточного Казахстана – Чиликтинские курганы, Байгетобе, исследованные С. С. Черниковым и А.Т. Толеубаевым, Майэмирские; Сарыарки – Талды-2 (А.Бейсенов), а по вещевому комплексу – более обширные параллели в раннесакских памятниках Жетысу (Жалаулинский клад), Саяно-Алтая(Аржан-2), Синьцзян и др.

На основе материалов кургана № 4 могильника Елеке сазы нами выполнена реконструкция погребального костюма и сопровождавшего в инобытие воинского снаряжения знатного юноши, умершего 2800 лет назад (Рис. 30).

Таким образом, материалы двух курганов Елеке сазы в перспективе дают возможность использовать их в качестве полноценных источников для разработки проблем формирования и развития раннесакского культурного комплекса в регионе.



Рис. 30. Реконструкция парадно-погребального костюма человека, погребенного под курганом №4 Могильника Елеке сазы

Литература

1. Боковенко Н.А. Эпохи бронзы и раннего железа южной Сибири: критерии выделения// Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола, 23-24 июня 2011 года.– СПб., 2011.– С. 16-18.
2. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Часть I. – Барнаул: Азбука, 2008.– 276 с.
3. Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая//Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сборник научных трудов. – Барнаул, 1998. – С. 78-90.
4. Грязнов М.П. Аржан царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 63 с.
5. Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы //Мириовззрение. Археология. Риту-

- ал. Культура. Сборник статей к 60-летию Марка Лазаревича Подольского. – Спб., 2000. – С. 213 -237.
6. Чугунов К.В. Дата кургана Аржан и хронология начала эпохи ранних кочевников //Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола, 23-24 июня 2011. – Спб. – С. 69 -75.
- 7.Кадырбаев М.К. Тасмолинская культура //Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
8. Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 500 с.
9. Китов Е.П., Китова А.О. Могильник Елеке сазы II в Восточном Казахстане (Анализ искусственных повреждений костей погребенных // Материалы XV Международного Евразийского научного форума «Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии». – Астана, 2018. – С. 309 -317.
10. Джансугурова Л.Б., Самашев З.С., Нуржибек, Альберто Г., Джеонг Ч., Бекманов Б. О., Хусаинова Э.М., Краус Й. Анализ отцовских и материнских линий древних объектов из пантеона Елеке сазы // Алтай - түркі әлкемінің алтын бесігі. – Өскемен, 2019. – 100 -109 бб.
11. Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс //Скифия и Кавказ. – Киев, 1980. – С. 7 -30.
12. Ворошилов А.Н. О серии акинаков келермесского типа//Древность: Историческое знание и специфика источника. Выпуск IV. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского 14–16 декабря 2009 года. – М., 2009. – С. 40 -42.
13. Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.
14. Оралбай Е., Кариев Е. Предварительные результаты исследований раннесакских памятников на плато Елеке сазы в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмуханбетова. – Алматы, 2016. – С. 161-171.
15. Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 188 с.
16. Самашев З. К изучению культуры ранних саков Восточного Казахстана//Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года. Сборник материалов/ под общ. ред. А.И.Уразовой. – Уфа: Мир печати, 2018. – с.109 – 117.
17. Толеубаев А.Т. Раннесакская Шиликтинская культура. – Алматы: ИП «Садвакасов», 2018.- 528 с.

References

1. Bokovenko N.A. Epohi bronzy i rannego zheleza yuzhnoj Sibiri: kriterii vydeleniya// Perekhod ot epohi bronzy k epohe zheleza v Severnoj Evrazii. Materialy Kruglogo stola, 23-24 iyunya 2011 goda.- SPb., 2011. – S. 16-18.
2. SHul'ga P.I. Snaryazhenie verhovoj loshadi i voinskie poyasa na Altae. CHast' I.- Barnaul: Azbuka, 2008.- 276 s.
3. Tishkin A.A. Nahodki nekotoryh elementov konskogo snaryazheniya skifskoj epohi v predgornoj zone Altaya// Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i sred-nevekov'e: Sbornik nauchnyh trudov. – Barnaul, 1998.- S. 78-90.
4. Gryaznov M.P. Arzhan carskij kurgan ranneskifskogo vremeni.- L.; Nauka, 1980. – 63 s.
5. Chugunov K.V. Bronzovye nakonechniki strel skifskogo vremeni Tuvy //Miriozzrenie. Arheologiya. Ritual. Kul'tura. Sbornik statej k 60-letiyu Marka Lazarevicha Podol'skogo.- Spb., 2000.- S. 213 -237.
6. Chugunov K.V. Data kurgana Arzhan i hronologiya nachala epohi rannih kochevnikov //Perekhod ot epohi bronzy k epohe rannego zheleza v Severnoj Evrazii. Materialy Kruglogo stola, 23-24 iyunya 2011g. – S. 69 -75.
7. Kadyrbaev M.K. Tasmolinskaya kul'tura //Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana. – Alma-Ata: Nauka, 1966. – 436 s.
8. Chugunov K.V., Parcinger G., Nagler A. Carskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve.- Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017.- 500 s.
9. Kitov E.P., Kitova A.O. Mogil'nik Eleke sazy II v Vostochnom Kazahstane (Analiz iskusstvennyh povrezhdenij kostej pogrebennyh. // Materialy XV mezhdunarodnogo Evrazijskogo nauchnogo foruma «Aktual'nye voprosy izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Evrazii».- Astana, 2018. – S. 309 -317.
10. Dzhansugurova L.B., Samashev Z.S., Nurzhibek, Al'berto G., Dzheong CH., Bekmanov B. O., Husainova E.M., Kraus J. Analiz otcovskih i materinskih linij drevnih ob»ektov iz panteona Eleke sazy // Altaj - tyrki әлкемінің алтын бесігі. – Өскемен, 2019. – 100 -109 бб.
11. Chernenko E.V. Drevnejshchie skifskie paradnye mechii (Mel'gunov i Kelermess. // Skifiya i Kavkaz.- Kiev, 1980.- S. 7 -30.

12. Voroshilov A.N. O serii akinakov kelermesskogo tipa// Drevnost':Istoricheskoe znanie i specifika istochnika. Vypusk IV. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati Edvina Arvidovicha Grantovskogo i Dmitriya Sergeevicha Raevskogo. 14–16 dekabrya 2009 goda . – M., 2009.- S. 40 -42.
13. Volkov V.V. Olennye kamni Mongolii.- M.: Nauchnyj mir, 2002. – 248 s.
14. Oralbaj E., Kariev E. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniy rannesakskih pamyatnikov na plato Eleke sazy v Tarbagatajskom rajone Vostochno-Kazahstanskoj oblasti // Saki i savromaty Kazahskih stepej: kontakt kul'tur: Sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj pamyati rheologa Bekena Nurmuhabetova.- Almaty, 2016.- S. 161-171.
15. Chernikov S.S. Zagadka zolotogo kurgana.- M.: Nauka, 1965. – 188 s.
16. Samashev Z. K izucheniyu kul'tury rannih sakov Vostochnogo Kazahstana//Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur. Mezhdunarodnyj nauchnyj simpozium, posvyashchennyj pamyati vidnogo uchenogo-arheologa, professora, akademika Akademii nauk Respubliki Bashkortostan, doktora istoricheskikh nauk N.A. Mazhitova. g. Ufa, 6-7 dekabrya 2018 goda. Sbornik materialov/ pod obshch. red. A.I.Urazovoj. – Ufa: Mir pechati, 2018. – s.109 – 117.
17. Toleubaev A.T. Rannesakskaya SHiliktinskaya kul'tura. – Almaty: IP «Sadvakasov», 2018.- 528 s. stepej: kontakt kul'tur: Sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj pamyati rheologa Bekena Nurmuhabetova.- Almaty, 2016.- S. 161-171.
15. Chernikov S.S. Zagadka zolotogo kurgana.- M.: Nauka, 1965.- 188 s.
16. Samashev Z. K izucheniyu kul'tury rannih sakov Vostochnogo Kazahstana//Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur. Mezhdunarodnyj nauchnyj simpozium, posvyashchennyj pamyati vidnogo uchenogo-arheologa, professora, akademika Akademii nauk Respubliki Bashkortostan, doktora istoricheskikh nauk N.A. Mazhitova. g. Ufa, 6-7 dekabrya 2018 goda. Sbornik materialov/ pod obshch. red. A.I.Urazovoj. – Ufa: Mir pechati, 2018. – s.109 – 117.
17. Toleubaev A.T. Rannesakskaya SHiliktinskaya kul'tura. – Almaty: IP «Sadvakasov», 2018.- 528 s.